

ХОЛОДОВ Н. Н.

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ АНАЛОГИЧНОСТИ И НЕАНАЛОГИЧНОСТИ В СИНТАКСИСЕ

Проблема сходств и различий в языке не является новой. Истоки ее восходят к древним лингвофилософским и собственно лингвистическим представлениям, которые были связаны с обнаружением в самых разнообразных речевых проявлениях тех или иных общих и специфических особенностей¹. Однако специально обратил на нее внимание, очевидно, только Ф. де Соссюр, утверждавший, что в языке нет ничего, кроме сходств и различий. В явном или неявном виде эта идея активно использовалась затем при разработке проблем дихотомии языка и речи, системных представлений о языке, теорий изоморфизма и иерархии языковой структуры, вариантов и инвариантов, ядерных структур языка, а также других теорий и классификаций, опирающихся на близость и противопоставленность самых разнообразных лингвистических единиц и категорий (парадигматика языка). В предлагаемой статье данная проблема рассматривается в синтагматическом и прежде всего в семантико-синтаксическом аспекте. Такая постановка вопроса связана с результатами проведенного автором исследования сочинительной связи соединительного типа в русском языке.

В истории науки о русском языке проблема содержания соединительных союзов и отношений всегда была на периферии исследовательских интересов. Это обусловило продолжительное сосуществование не сводимых друг к другу точек зрения. Так, с ранних пор обнаруживается тенденция видеть в соединительной связи значение определенной гармонии смыслов — равносильности, сходства, равенства, согласия. Она идет от М. В. Ломоносова, и ее придерживались многие другие исследователи [1—5]. С другой стороны, имеются попытки свести соединительные отношения к некоторому механическому, асемантичному виду связи, восходящие, очевидно, к Н. И. Гречу. Назвав союзы *и* и *да* соединительными, он отмечал, что в «просто» соединительных предложениях не выражается «никакого постороннего свойства сего соединения» [6, с. 348—357]. Эта идея была несколько конкретизирована П. М. Перевлесским, подчеркнувшим, что в «соединительных сочетаниях» одно предложение «просто присовокупляется к другому» [7]. Однако в наиболее явной форме рассматриваемая концепция была выражена А. М. Пешковским: «Союзы... соединительные образуют чисто нулевую категорию. В них нет никакого добавочного оттенка в тех связях, которые союз устанавливает между членами, что отражается в названии их, совершенно общем (ведь каждый союз соединяет)» [8]. В наше время целый ряд обстоятельств способствовал развитию этой тенденции. Большое влияние оказали здесь соссюрианские и дескриптивистские концепции, согласно которым языковые единицы определялись только на основе внутрilingвистических отношений. Семантика соединительного союза, в свете указанных концепций, интерпретировалась как точка пересечения определенных отношений, причем отрицалось наличие абсолютного значения в самом союзе (иногда от него предлагалось отвлечься как от внелингвистического). В этом плане немалую роль сыграла и идея С. О. Карцевского о семантически нулевом характере отношений между членами перечисляемого ряда в бессоюзном сложном предложении [9]. Поскольку бессоюзные перечислительные отношения

¹ Так или иначе она представлена, например, в известных спорах древних греков о природе наименования и об аналогиях и аномалиях в языке.

понимались до недавнего времени только как соединительные², то это понимание и прямо, и через своеобразное преломление идеи С. О. Карцевского об открытых и закрытых синтаксических структурах проецировалось на соединительные отношения. Данная концепция, на первый взгляд, поддерживалась весьма интересными открытиями 50—60-х гг. Одно из них было связано с выявлением в сложных предложениях с союзом *и* многочисленных отношений, характерных как для противительных сложносочиненных, так и для сложноподчиненных предложений весьма разнообразных типов. Другое открытие связано с обнаружением многочисленных фактов соединения при помощи союза *и* неоднородных (неоднородных) членов предложения типа *Никто и никогда не говорил; Так будут делать все и всегда* [11]. Эти данные можно было интерпретировать в пользу семантической немотивированности использования союза *и*, следовательно, в пользу его асемантичности. Соединение же в целом можно было понять как своего рода «пустое отношение». Особенно дезориентирующим в этом плане было то обстоятельство, что сочинительная связь с союзом *и* может наполняться противительными отношениями. Ведь если допустить в союзе *и* значение сходства, то трудно признать, что оно совмещается с противительным значением несходства или прямой противоположности. Эти, как и некоторые другие обстоятельства, способствовали тому, что в 60—70-х гг. *и* (т. е. основной специальный показатель соединения) стал пониматься как некая «чистая скрепа», которая никак не помечает отношений в семантическом плане [12]. Нашедшее отражение в авторитетных изданиях, это понимание получило широкое признание и распространение.

К сожалению, концепция асемантичности соединения пока лишь декларируется. Она не учитывает также противопоставленных мнений, хотя они представляют несомненный интерес. Так, у М. В. Ломоносова есть положение о том, что соединительные («сопрягательные») союзы связывают «равные» (разрядка наша. — Х. Н.) наклонения глаголов [1]. На эту догадку трудно не обратить внимания, поскольку при помощи союзов соединения действительно связываются глаголы (даже шире — сказуемые) одномодального плана. А случаи «нарушения» этой закономерности требуют объяснения, но не являются основанием игнорировать ее. К сожалению, не обращалось также внимания на традиции определения состава соединительных союзов. Между тем эти традиции небезынтересны. Так, начиная с 30-х гг. XIX в. в число соединительных союзов включались слова *тоже* и *также*, т. е. слова с непосредственно наблюдаемым значением сходства.

В разряд соединительных союзов весьма единодушно включается *ни... ни... ни...* А с его помощью в сложное предложение объединяются только такие части, в которых налицо тождество отрицательного значения сказуемых (...*ни солнца мне не виден свет, ни для корней моих простора нет*). Характерно также, что под соединительными предложениями с союзом *да* понимаются только такие, в частях которых более или менее ярко проявляются тождественные компоненты семантической структуры [13, с. 7—25; ср. также с. 42—47]. Представители концепции асемантичности соединения оставляют в стороне и собственные интересные наблюдения. Так, Н. И. Греч отмечал, что союзами *и* и *да* (= *и*) связываются не всякие, а «сходствующие между собою предложения» [6, с. 357]. То же подчеркивал П. М. Перевлесский [7]. А. М. Пешковский, считая сочинительные союзы показателями однородности, исходил, следовательно, из того, что все эти союзы (в том числе и соединительные) имеют значение известной тождественности. Однако в прямых характеристиках семантики союзов соединения он не отразил этих своих исходных представлений и вольно или невольно свел данные союзы к семантически нулевой категории. Интересно также отметить то обстоятельство, что С. О. Карцевский обращал внимание на идентичность позиций членов перечисляемого ряда [9]. Но это справедливое мнение стоит в прямом противоречии с его уже отмечавшейся

² Ср., например, даже сейчас: «Бессоюзные открытые ряды заключают в себе одно значение — соединение, которое имеет характер перечисления» [10].

идеями о семантически нулевом характере перечислительных отношений: идентичность позиций не может не предполагать отношений идентичности между членами определенного ряда³. В настоящее время по-прежнему гипотетичной остается мысль о семантической немотивированности использования основного показателя соединения — союза *и*. Концепция асемантичности соединения лишается поддержки и со стороны общей теории языка. Стала очевидной суженность соссюррианских и дескриптивистских представлений о языке и задачах его исследования. Важное значение приобретают проблемы изучения той семантики языковых единиц и категорий, которая детерминирована их непосредственным соотношением с внеязыковой действительностью. Представления о системообразующих и системо-приобретенных свойствах элементов языковой системы [14] вызывают серьезное сомнение по поводу того, что соединение асемантично или же что оно располагает только значениями относительного характера.

Отсутствие надежной эмпирической и теоретической базы, внутренняя несогласованность рассматриваемой концепции, а также неясность функциональной перспективы соединения побуждают исследователей обратиться к идеям, идущим от М. В. Ломоносова и поддерживаемым традицией выявления состава соединительных союзов. Так, Е. Н. Ширяев и Ю. А. Левицкий исходят из того, что союз *и* имеет значение согласованности, соответствия, сходства, идентификации [15, 16]. Ценно стремление исследователей аргументировать свои мнения. Думается, правда, что эта аргументация не во всем безупречна. И тем не менее суждения и выводы названных исследователей являются серьезной поддержкой той концепции сочинения, которая продолжительное время не обращала на себя внимания.

Очевидно, концепцию семантичности соединения тоже пока нельзя признать обстоятельно аргументированной. Можно полагать, однако, что она более адекватно отражает реальную сущность соединения как синтаксического явления. Мы уже приводили некоторые аргументы в пользу этой концепции. В порядке подведения итогов по истории вопроса приведем еще ряд соображений.

1. Мнение о семантичности соединения и даже о характере его значения по существу поддерживается и представителями концепции асемантичности. Основной недостаток здесь в том, что исследователи, обращая внимание на семантическое сходство соединяемых компонентов, не обращают внимания на те о т н о ш е н и я сходства, идентичности и т. д., которые неизбежно должны устанавливаться между такими компонентами.

2. Соединительные союзы являются лексическими единицами, и уже в силу этого надо, видимо, исходить из того, что они семантически значимы.

3. Если бы соединительные союзы были асемантичными и их использование было бы семантически не мотивированным, то они должны были бы свободно употребляться во всяком синтаксическом правильном построении. Однако какими бы «гибкими» эти союзы ни были, их использование ограничено. Речевая практика избегает, например, *и* в предложениях типа *Гидротехник покажет вам реку, только сейчас он уезжает*. То же самое можно сказать о случаях типа *Идите скорее, иначе не успеете; Одни пишут, другие читают, третьи рисуют* (здесь возможен *а*, но не *и*).

4. В ряде случаев можно наблюдать дифференцирующие способности *и*. Так, сочетание *Вахтер дежурит, он же следит за чистотой в помещении* двузначно. Если *вахтер* и *он* — разные субъекты, налицо сопоставительные отношения. Если это один и тот же субъект, то перед нами соеди-

³ Сейчас известно, что бессоюзное перечисление может быть соединительным, раздельным и сопоставительным. Ср.: *Всюду для нее были открыты двери, всюду люди уступали ей дорогу; Возможно, он плохо рассчитал, возможно, тут произошла какая-то случайность; Дождь вымочит, солнышко высушит, буйные ветры голову расчешут*. В первый пример можно ввести *и*, во второй — *или* (вместо *возможно*), в третий *а*. Возможно, С. О. Карцевский считал те отношения, о которых мы говорим, ввингивистическими (что маловероятно). Возможно, однако, и то, что он сомневался в своих характеристиках бессоюзных перечислительных структур, поскольку высказал их в статье, которую не считал завершенной [9].

нительные отношения. Введение *и* снимает двусмысленность. Союз однозначно показывает тождество субъектов, устанавливая между ними соответствующие отношения. Ср. также отношения между субъектами в случаях *Это радовало, а это вдохновляло* и *Это радовало, и это вдохновляло* (а дает установку на различие субъектов, и — на их тождество). Ср. также *У них брат сочиняет, а сестра пишет* и *У них брат сочиняет и сестра пишет* (а свидетельствует о том, что предикаты разные, при *и* предикаты характеризуются отношениями тождества).

5. Наличие в сложносочиненных предложениях с союзом *и* различных частных значений объяснимо с точки зрения признания в этом союзе значения сходства. Ср.: *Мальчишки работали хорошо, но девочки тоже не отставали*. Семантическое сходство предикатов здесь налицо, и обычно в таких случаях используется *и*, а *но*, *а*, *однако* употребляются для того, чтобы акцентировать мысль, что в разных (и даже подаваемых как противоположные) явлениях имеются сходные признаки. Ср. также редкие случаи типа *Ей хотелось плакать, но именно поэтому она старалась выглядеть веселой*. В предложениях такого типа акцентируются и подаются как необычные причинно-следственные отношения — т. е. отношения, противоположные семантике союза. Следовательно, совмещение в пределах данного конкретного вида связи отношений взаимоотрицающего порядка не исключается. Допуская в *и* семантику сходства, можно на тех же основаниях объяснить возможность совмещения с нею противительной семантики несходства, противоречивости в предложениях типа *Тебя, дьявола, голого в родню приняли, и ты же на меня с топором!* (В. Шукшин, Волки). В таких случаях *и*, оформляя неодинаковое, противоречивое содержание компонентов как одинаковое и непротиворечивое, акцентирует семантику противоречивости, отчего все подобные предложения в той или иной мере экспрессивны. Таким образом, использование *и* оказывается семантически и функционально мотивированным⁴.

6. С точки зрения семантической мотивированности можно интерпретировать и случаи использования союза *и* для соединения неоднородных членов предложения. В этих случаях в семантической структуре соединяемых членов налицо элементы тождества. Даже в уникальном примере А. М. Пешковского... *многие и часто поступают хуже* [8, с. 442] в членах, соединяемых *и*, налицо общий семантический компонент: «немалое, значительное количество». Следовательно, *и* можно понять как средство эксплицитного выражения тех отношений тождества, которые безусловно устанавливаются между тождественными компонентами семантической структуры соединяемых членов⁵.

7. Концепция семантической соединения предполагает некоторые новые возможности понимания и исследования отдельных аспектов синтаксиса.

Признание соединения семантически значимым, передающим значение сходства, тождественности и т. д., позволяет понять сочинение как систему, организованную прежде всего на основе противопоставления значений (отношений) сходства значениям (отношениям) несходства, различия. Это противопоставление находит выражение в противопоставлении союзов соединения всем другим (несоединительным) сочинительным союзам.

Если сказанное верно, то трудно не сделать вывода о наличии прямой соотнесенности принципа организации системы данных синтаксических отношений со структурой и результатами работы начальных этапов познавательной деятельности мышления в их принятом логико-философском и психологическом истолковании. Ср.: «На начальных этапах ознакомления с окружающим миром различные объекты познаются путем сравнения... В ходе этого синтетического акта происходит анализ сравниваемых явлений, предметов, событий и т. д. — выделение в них

⁴ Вопрос о возможности совмещения семантики *и* с разными частными значениями рассматривался нами специально [17—19].

⁵ Большой материал, в котором исследуется общий семантический компонент в соединениях данного типа, рассмотрен Л. Д. Чесноковой [20].

общего и различного» (разрядка наша.— Х. Н.) [21]. Отсюда систему сочинения можно истолковать как языковой механизм отражения результатов познания сходных (общих) и несходных (специфических) сторон в познаваемых объектах и как средство материализации, объективирования и закрепления в языковых единицах результатов познания соответствующих отношений, существующих между этими сторонами. На этом основании можно полагать, что система сочинения детерминирована структурой (способами, механизмами) начальных этапов познавательной деятельности мышления, включенностью и постоянной включаемостью результатов этой деятельности в механизм (формы) языкового мышления и практику обмена мыслями. Чтобы терминологически подчеркнуть эту детерминированность, значения схождения названы нами значениями аналогичности, а значения несхождения — значениями неаналогичности. Проблема аналогичности и неаналогичности в синтаксисе предполагает, следовательно, соединение представления о ядре системы синтаксических (логико-синтаксических, психолого-синтаксических) отношений с представлениями о структуре и результатах работы начальных этапов познавательной деятельности мышления.

Объективность данных представлений как в лингвистическом, так и в экстралингвистическом плане можно было бы подтвердить прежде всего фактом широкой распространенности и воспроизводимости значений аналогичности и неаналогичности в синтаксических построениях самых разнообразных типов. Так, хорошо известна широкая распространенность сочинения в простом и сложном предложении, причем как в союзной, так и в бессоюзной форме. Сочинительными союзами часто связываются предложения, оформленные как самостоятельные (точкой или интонацией) — в зависимости от форм материального воплощения речи). Важная роль союзов сочинения в структуре сложных синтаксических целых (прозаических строф, сверхфразовых единств и т. д.) отмечена Г. Я. Солгаником [22]. Семантическая структура построений всех отмеченных типов опирается на отношения аналогичности и неаналогичности. В бессоюзных сложных предложениях однородного состава И. В. Антипиной тоже зафиксированы данные отношения [23, с. 12—19].

Результаты анализа показали, что при помощи сочинительных союзов между сложными целыми, разделами и частями глав повествования, между главами также устанавливаются отношения аналогичности и неаналогичности. Приведем ряд примеров, не требующих особых комментариев:

1. «Для Шульца Генриетта была не женщина, а существо высшее, неземное, гений его фантазии, идеал его вдохновения. Шульц полюбил, как юноша, как артист, пылкий и молодой.

И Генриетта предалась Шульцу, сердцем и жизнью, и для нее Шульц не был существо обыкновенное, и она тоже смотрела на него с чувством какого-то благоговения. Она полюбила, как дитя» (В. Соллогуб, Сережа).

2. «Чтобы не терять времени, решаем съездить на денек в родной аул Атанязя. Тридцать пять километров на восток.

И вот мы трясемся в грузовике на каких-то ящиках, рулонах шерсти, пачках трикотажного белья...» (Ю. Трифонов, Утоление жажды) — содержание второго абзаца аналогично результату, «запрограммированному» первым абзацем.

3. «У него (Битыка.— Х. Н.) загораются глаза. Он хватает нож, вертит его перед собой, пробует острие большим пальцем, не может налюбоваться. Вся детвора с завистью следит за ним.

Но вдруг Битык как бы спохватывается. На лице снова появляется досада...» (Г. Федосеев, В тисках Джугдыра).

4. Основная идея второй части эпилога к роману А. Иванова «Вечный зов» — жизнь оставшихся в живых героев налаживается, берет свое. Начало же следующей, третьей части, вводимой союзом *а*, имеет совсем иную тематику:

«А вот Анна Савельева ни людям, ни свету белому не радовалась, жила одиноко и отчужденно... утром молчком приходила на птичник... вечером молчком уходила...»

Отношения аналогичности и неаналогичности обнаруживаются также при бессознательном соединении абзацев, между репликами разных лиц в диалогической речи, между авторским текстом и речью персонажей и т. д. [24]. Интересный в рассматриваемом плане материал проанализирован Т. В. Золотухиной [25, с. 28—34], И. Д. Степановой [23, с. 32—35], В. Н. Анощенковым [25, с. 35—40]. Заслуживают внимания попытки Н. В. Мозгальной понять частицу *и* как средство выражения отношений аналогичности [23, с. 5—11]. На материале польского, чешского и английского языков ряд вопросов, относящихся к данной проблеме, рассмотрен А. М. Смирновой [23, с. 20—27], И. Д. Степановой [23, с. 28—35], Т. В. Золотухиной [25, с. 28—36; 26, с. 79—80].

Обнаружение изоморфизма в структуре процессов познания и принципах организации системы рассматриваемых синтаксических отношений, с одной стороны, и факт прямой соотносительности результатов начальных этапов познания с содержанием этих отношений — с другой, позволяют понять функции различных видов синтаксической связи. Так, функции сочинительной связи в наиболее общем плане можно усмотреть прежде всего в выражении и дифференциации отношений сходств и различий. С помощью специализированных сочинительных средств происходит также соотнесение семантики сочиненных единиц с пониманием говорящими аналогичных и неаналогичных сторон познаваемых объектов. Это общее представление можно конкретизировать в самых разнообразных направлениях. Покажем некоторые.

1. Принимая бином «значение аналогичности — значение неаналогичности» как исходный, базовый компонент системы сочинения, можно понять другие сочинительные отношения, представленные известными видами значениями сочинительных союзов, производными этих основных, ядерных отношений. Сопоставительные союзы являются носителями понятия неаналогичного разного (т. е. собственно разного); противительные — неаналогичного противоположного; градационные — такого неаналогичного (разного или противоположного), в котором обнаруживаются элементы аналогичного (*Не только брат пишет стихи, но и сестра что-то сочиняет*); разделительные — альтернативно-неаналогичного [т. е. представляющего явления как разные прежде всего в том плане, что одно из них должно быть исключено, а другое — не исключено из одних и тех же планов (временных, модальных и др.) существования].

2. Как производные базовых значений можно понять и частные значения сочинительной связи. Так, отношения соответствия (различного рода причинно-следственные отношения) можно понять как производные отношений аналогичности. Они означают, что следствие (результат) соответствует (аналогично) тому, что регулярно (или регулярно при некоторых ситуациях) детерминировано (или «программируется») данной причиной: *Ветер разогнал тучи, и дождь прекратился*. Отсюда становится понятным, почему именно сложносочиненные предложения с союзом *и* обычно имеют в той или иной степени результативно-следственное значение. Отношения несоответствия можно понять как производные отношений неаналогичности. Это отношения несходства, наблюдаемые при условии, что в факте несходства обнаруживается более или менее редкая (вызывающая недоумение, удивление) противоречивость сосуществования одного явления наряду с наличием другого. Ср.: *На ней платье белое, а шляпа черная* и *На ней платье белое, а шляпа (как ни странно, видите ли и т. д.) черная!*

3. Приведенные данные позволяют думать (в соответствии с распространенным пониманием семантической структуры лингвистических единиц), что сочинительные отношения — это действительно отношения аналогичности или неаналогичности, которые могут включать в себя другие отношения (семы, фигуры, семантические множители). В таком случае рассматриваемая концепция в синхроническом аспекте может быть полезной при дифференциальном анализе сочинительных отношений, а в диахроническом плане она позволяет надеяться на богатые возможности исследования как перспективы, так и ретроспективы сочинительных отношений и их системы.

4. Процесс выявления в познаваемых объектах аналогичных и неаналогичных сторон диалектически един и неразделен. С другой стороны, чтобы представить результаты познания сопоставляемых явлений в цельности, установление сходств и различий предполагает сохранение в сознании и в речевых единицах результатов отражения тех и других сторон ⁶. Можно думать, что в сложносочиненных предложениях эта особенность познания отражается в том, что их составные части не могут быть семантически абсолютно тождественными или абсолютно разными. В них всегда налицо элементы сходств и различий. Однако разные задачи познания и условия общения требуют актуализации то сходных, то несходных сторон их семантики. Существуют разные средства такой актуализации. Одним из них являются союзы. Союзы связывают компоненты предложения, выражая отношения. Выражая отношения, они одновременно подчеркивают, активизируют то сходные, то несходные стороны содержания одного и другого компонента. В случае *На ней платье белое и шляпа белая* актуализируется сходство, но в то же время представлено различие (платье — шляпа), вследствие чего здесь возможны не только соединительные союзы, но и градационные и разделительные, которыми можно актуализировать соответствующие стороны семантики частей. Однако здесь недостаточно элементов несходства, вследствие чего невозможны сопоставительно-противительные союзы. Но ср.: *На ней платье белое, а шляпа черная (не белая, красная и т. д.)*. В случае *Пароходы плывут, самолеты летят* преобладают элементы несходства. И все же сочинительно-соединительные средства (интонация или союзы) актуализируют здесь семантику сходства субъектов по характеру общего (типового) значения их предикатов: *Пароходы плывут, и самолеты летят* (тождество признака динамизма, движения и, возможно, некоторой общей целеустремленности). А сопоставительно-противительные средства актуализируют здесь различие субъектов по характеру непосредственно воспринимаемого несходства их предикатов: *Пароходы плывут, а (но, однако) самолеты летят*. Градационные и разделительные союзы здесь тоже могут актуализировать соответствующие стороны семантики частей.

5. Отношения аналогичности и неаналогичности как отражение результатов работы механизмов познания, очевидно, играют важнейшую роль в организации семантической структуры текста. Наличие этих отношений между разнообразными отрезками текстов дает возможность полагать, что эти отношения и их смена являются тем наиболее абстрактным семантическим стержнем, на который «нанализуются» и которым скрепляются в единое целое отрезки монологических повествований и диалогических единств. Можно думать, следовательно, что когда мы составляем тексты, познавая и отражая самые разнообразные по объему и сложности отрезки действительности, мы мыслим эти отрезки не иначе как в том или ином отношении сходные или разные, в большей или меньшей мере отвлекаясь от деталей познаваемых и отражаемых явлений и, следовательно, составляемого текста. В более общих формах сходные мысли высказывались раньше (Т. И. Сильман указывала, что союз «содействует известному отвлечению внимания от отдельного предложения, переносу центра тяжести высказывания с отдельных предложений на сквозное движение мысли, на логические сдвиги» [27]).

6. Представляется возможным на принимаемом здесь основании скорректировать понимание соотношения 1) синтаксической однородности, 2) аналогичности и 3) неаналогичности. Отношения однородности, равноправия — это те же отношения аналогичности, однако более высокого уровня абстракции. Соединительные союзы как сочинительные, представляют прежде всего два значения: однородности и аналогичности. ⁷ Несоединительные союзы тоже представляют прежде всего два значения: од-

⁶ Очевидно, этим обусловлена диалектика семантической структуры синтаксических отношений — обязательное наличие элементов взаимоотрицания.

⁷ Кажется, именно в этом заключается «тайна» соединительных отношений и союзов, склонявшая одних ученых к пониманию асемантической соединения, а других [10, с. 616] к отождествлению «соединительности» и «сочинительности».

нородности и неаналогичности. Адекватность такого понимания сущности сочинения можно показать на следующих элементарных примерах. В случае *Читаем газеты, книги* слова *газеты* и *книги* однородны по причине их отнесенности к одному и тому же члену и по причине замещения ими однородных синтаксических позиций (это более абстрактный план однородности-аналогичности). Кроме того, между ними налицо отношения аналогичности — по причине их однотипности в плане утверждения—отрицания (более конкретный план однородности-аналогичности). Те и другие отношения могут быть актуализированы соединительными союзами: *Читаем газеты и (да) книги*. А в случае *Читаем газеты, не книги* указанные члены однородны по тем же причинам (более абстрактный план), но между ними налицо также и отношения неаналогичности (более конкретный план), по причине их неоднотипности в плане утверждения—отрицания. Те и другие отношения одновременно могут быть актуализированы сопоставительно-противительными союзами: *Читаем газеты, а (но, да, однако) не книги* (кстати, если бы *и* был показателем только однородности или сочинительности, то его можно было бы использовать и в примерах второго типа; однако здесь он «не уместается»; причина, надо полагать, — его второй семантический компонент). Ср. также: *Бежит красиво и быстро* — *Бежит красиво, но быстро*. Здесь и *и*, и *но* являются показателями отношений однородности. Но при *и* оба сочиненных члена оцениваются к тому же как одинаково положительные (и то и другое — хорошо), а *но* набрасывает на содержание второго компонента «тень» отрицательности (плохо) и противопоставляет его первому компоненту как положительному.⁸ Таким образом, специфика сочинительной связи в её типичных проявлениях состоит прежде всего в том, что своим наиболее абстрактным значением она представляет однородность членов по отношению к общим подчиняющим (или подчиненным) членам, а другим, более конкретным значением, помечает и (или) актуализирует отношения аналогичности или неаналогичности, акцентируя и подавая в фокус внимания одни и нейтрализуя другие стороны семантической структуры сочиненных компонентов.

7. Если отношения однородности — это по природе своей те же отношения аналогичности, но более высокого уровня абстракции, то на этой основе можно найти выходы к пониманию содержания основного противопоставления в системе сочинения и подчинения. Ср. распространенное в русской лингвистической традиции понимание основных категорий сочинения и подчинения. Сочинительные отношения — это отношения равноправия, однородности (т. е. известной аналогичности, сходства), а подчинительные отношения — это отношения неравноправия, неоднородности (т. е. известной неаналогичности, несходства). Согласно таким представлениям, следовательно, соединительное сочинение противопоставлено подчинению как по значению однородности, так и по значению аналогичности. Несоединительное сочинение противопоставлено подчинению только по значениям однородности. Благодаря же своему второму значению оно сближается с подчинением и является некоторым промежуточным звеном в общей системе сочинения и подчинения. Очевидно, несоединительное сочинение вместе с подчинением конкретизирует одно и то же общее понятие неаналогичного, однако по-разному и в разных направлениях (в данной статье сделана попытка показать это представление на материале известных видовых значений сочинительных союзов несоединительного типа). Если это предположение верно, то надо признать, что в теории сочинения и подчинения «схвачено» и отражено именно то ядро реальных синтаксических отношений, которое детерминировано фундаментальным свойством мышления — способом и результатами работы начальных этапов познавательной деятельности. Не исключено, что

⁸ Обратим внимание также на то, что в этом примере *да* можно понимать и как соединительный, и как противительный союз: *Бежит красиво, да (к тому же) быстро* — *Бежит красиво, да (только, к сожалению) быстро*. «Метаморфозы» *да* в примере *Читаем газеты...* и в только что рассмотренном являются свидетельством неустойчивости его в системе соединительных союзов [28].

в этом состоит жизненная сила этой теории, которая, несмотря на различного рода сомнения и попытки наполнить её каким-то новым содержанием, продолжает оставаться важнейшим инструментом научно-исследовательской и педагогической практики.

Таким образом, есть основания полагать, что основная функция соединительной связи сводится к выражению отношений сходства. Это позволяет понять систему сочинения в русском языке как противопоставление отношений сходств и различий. Отношения изоморфизма между структурой сочинения и структурой начальных этапов познания наводят на мысль, что сочинение и его структура детерминированы способами и результатами познавательной работы мышления. Данное обстоятельство позволяет поставить проблему отношений аналогичности и неаналогичности как соединяющую представления о синтаксических отношениях с представлениями о работе механизмов познания. Необходимость дальнейшей разработки данной проблемы обуславливается рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. Методологически необходимость разработки этой проблемы обуславливается возможностями «выхода» к другим синтаксическим (а также к экстралингвистическим) проблемам и перспективами построения более адекватных онтологических (а на их основе и более удобных операционально-методических) синтаксических концепций.

Безусловно, проблема отношений аналогичности и неаналогичности требует своего дальнейшего обоснования, как лингвистического, так и экстралингвистического порядка. В лингвистическом плане важнейшей задачей остается проблема исследования различных синтаксических связей в монологической и особенно диалогической речи (как наименее изученной). Актуален здесь также вопрос об осмыслении в аспекте этой проблемы предикативных отношений и категорий утверждения и отрицания, а также межморфемных отношений в структуре слова. Положительные результаты такого осмысления будут более определенно означать, что система языка основывается на отношениях сходств и различий не только в парадигматическом, но и в синтагматическом аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. VII. М.—Л., 1952, с. 573.
2. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб, 1852, с. 366, 368.
3. Словарь церковно-славянского и русского языков. Т. 1. СПб, 1867.
4. Лавров Б. А. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.—Л., 1941, с. 20.
5. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 388—389.
6. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. СПб., 1827.
7. Перевлеский П. Начертания русского синтаксиса. М., 1848, с. 120.
8. Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 448.
9. Карцевский С. О. Бессоюзие и подчинение в русском языке.— ВЯ, 1961, № 2, с. 126.
10. Русская грамматика. М., 1980, с. 169.
11. Майданский Н. М. Соединительные сочетания разнотипных членов предложения.— РЯШ, 1965, № 5.
12. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 664, 667.
13. Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. Ч. II. Смоленск, 1975.
14. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971, с. 46—49.
15. Ширяев Е. Н. Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе.— ФН, 1980, № 2, с. 51—52.
16. Левицкий Ю. А. Семантика русских сочинительных союзов.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1981, с. 91.
17. Холодов Н. Н. О семантике соединительных отношений и союза *и*.— РЯШ, 1976, № 5.
18. Холодов Н. Н. Оксюмороны и выявление типовой семантики союзов.— В кн.: Семантическая структура словосочетаний и предложений русского языка. Тула, 1978.
19. Холодов Н. Н. Об оксюморонах в русской речи.— В кн.: Проблемы учебника русского языка как иностранного. М., 1980.
20. Чеснокова Л. Д. Связи слов в современном русском языке. М., 1980, с. 94 и сл.
21. Брушлинский А. В. Мышление.— В кн.: Общая психология. М., 1976, с. 325 — 326.

22. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М., 1973, с. 98 и сл.
23. Проблема отношений аналогичности и неаналогичности в языке. Иваново, 1983, с. 12—19.
24. Холодов Н. Н. О сочинительной связи вне предложения.— В кн.: Синтаксические отношения в предложении и тексте. Смоленск, 1981.
25. Отношения аналогичности и неаналогичности в языке. Иваново, 1983.
26. Золотухина Т. В. Проблема типологии синтаксических отношений в диалогических единствах разных типов.— В кн.: Тезисы докладов юбилейной научной конференции, посвященной 10-летию Ивановского государственного университета. Иваново, 1984.
27. Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967, с. 29.
28. Стеценко А. Н., Холодов Н. Н. Об основных тенденциях и путях развития системы сочинения в русском языке.— ВЯ, 1980, № 2.